

Некрологъ.

7 апрѣля сего года скорпостижно скончался отъ разрыва сердца свящ. Казанской г. Гжатска церкви *Михаилъ Адриановичъ Спиридоновъ* на 67 году жизни.

Покойный былъ сынъ священника с. Ярыгина (Ильинскаго тожъ), Сычевскаго уѣзда.

Домашняя обстановка, въ которой провелъ свои дѣтскіе годы почившій Михаилъ Адриановичъ, при многосемейности отца, отличалась крайней простотою, умѣренностію и даже бѣдностію. Унаслѣдовавъ отъ своихъ родителей необыкновенную доброту сердца, свѣтлый умъ и хорошую память, Михаилъ Адриановичъ въ своей скромной и бѣдной семейной обстановкѣ, подъ вліяніемъ добраго примѣра и надзора родительскаго, воспиталъ въ себѣ глубокую вѣру въ Бога, горячую преданность церкви Божіей, примѣрное трудолюбіе, скромность и крайнюю умѣренность и неприхотливость въ своихъ требованіяхъ и желаніяхъ. Съ такими добрыми задатками поступилъ онъ для своего образованія и обученія сначала въ Вяземское духовное училище, а потомъ въ Смоленскую семинарію.

Школьные годы свои почившій, какъ сынъ небогатыхъ родителей, прожилъ въ еще болѣе, чѣмъ дома, бѣдной и суровой обстановкѣ: холодныя и тѣсныя квартиры, скудная пища, плохая одежда и обувь,—вотъ постоянные спутники его школьной домашней жизни. А съ потерю своего нѣжно любимаго и любящаго родителя въ холерный 1848 г., какъ сирота, онъ принять былъ на казенное содержаніе. Какъ училищный, такъ и семинарскій курсы онъ прошелъ съ полнымъ успѣхомъ, нигдѣ не оставаясь и не выходя изъ разряда очень хорошихъ воспитанниковъ. Въ 1853 г. покойный окончилъ семинарскій курсъ съ аттестатомъ сту-

дента, оставивъ о себѣ память у начальства, какъ объ образцовомъ и благонаправномъ воспитанникѣ, и у товарищей—какъ необыкновенно добромъ и благороднѣйшемъ человѣкѣ.

Въ 1854 году Преосвященнѣйшимъ Тимоѣемъ Михаилъ Адріановичъ былъ опредѣленъ на сдаточное мѣсто священника въ село Пречистое, Гжатскаго уѣзда. Такимъ образомъ, давно взлелѣянная мечта почившаго—сдѣлаться пастыремъ церкви осуществилась, и вотъ начинается его 45-лѣтняя, скромная по внѣшности, но глубоко содержательная и плодотворная пастырская дѣятельность.

Сдѣлавшійся пастыремъ церкви по призванію, Михаилъ Адріановичъ всею душой и всѣми силами отдался своему дѣлу. Обширный и благолѣпный сельскій храмъ нашелъ въ немъ истинное свое украшеніе. Обладая представительною внѣшностію, звучнымъ и пріятнымъ голосомъ, покойный совершалъ церковное богослуженіе съ глубокимъ благоговѣніемъ, не слѣша, строго слѣдуя уставу и обычаямъ церковнымъ, часто сопровождая свое служеніе назидательнымъ, строго церковнымъ поученіемъ. Все это производило на молящихся сильное впечатлѣніе и невольно привлекало ихъ въ храмъ. А это было особенно важно, такъ какъ среди Пречистенскихъ прихожанъ было много раскольниковъ, которые своимъ упорствомъ и ненавистью къ церкви производили деморализующее вліяніе на православныхъ.

Къ своимъ прихожанамъ почившій питалъ истинно отеческія отношенія. Природная доброта, простота и привѣтливость обхожденія сдѣлали то, что всѣ духовныя его дѣти относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ и любовію. Никто не стѣснялся говорить съ нимъ по сердцу, прямо, изливать передъ нимъ свои сомнѣнія, горе и радость, спрашивать у него совѣта, какъ поступить въ какомъ-либо затруднительномъ случаѣ. И онъ охотно выслушивалъ ихъ,

разъяснялъ, утѣшалъ и давалъ сильныя совѣты и наставленія. Быстрая природная память помогла ему изучить не только имена, лица, семейное положеніе своихъ прихожанъ, но и ихъ внутреннее душевное настроеніе, такъ что съ каждымъ изъ нихъ онъ могъ говорить какъ съ своимъ хорошимъ знакомымъ. И не только православные прихожане, но даже и раскольники относились къ почившему съ полнымъ довѣріемъ, охотно выслушивали его наставленія и кроткія обличенія ихъ заблужденій, весьма нерѣдко искренно сознавая ихъ и обращаясь въ лоно православной церкви. Не оставлялъ безъ своего пастырскаго и отеческаго вниманія покойный и юныхъ дѣтей своихъ прихожанъ, поучая и наставляя ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ, но главнымъ образомъ—въ сельской своей школѣ, гдѣ онъ многіе годы былъ законоучителемъ. Вся дѣятельность почившаго въ отношеніи къ своимъ прихожанамъ носила характеръ полной безкорыстности и нетребовательности: плату за требы онъ бралъ самую умеренную, разными сборами не надоедалъ и никогда не позволялъ себѣ, что называется, вымогать, а ограничивался тѣмъ, что давали, и за все благодарилъ. За такое любвеобильное и отеческое отношеніе прихожане весьма цѣнили и уважали своего пастыря, не стѣсняясь при всякомъ удобномъ случаѣ открыто высказывать это. Приѣзды его въ ихъ деревни,—случайные, или по служебнымъ обязанностямъ,—были истиннымъ праздникомъ для всѣхъ: каждый съ радостію встрѣчалъ и принималъ его у себя, какъ дорогого гостя. Но особенно эта любовь и привязанность прихожанъ ясно сказала, когда почившій вынужденъ былъ оставить свое сельское мѣсто и перейти на другое. Съ непритворнымъ сожалѣніемъ и обильными слезами расстались они съ своимъ любимымъ пастыремъ, не будучи въ силахъ порвать свою нравственную и духовную связь съ нимъ и

на новомъ мѣстѣ его служенія. Многіе приходили къ нему и сюда, прося совѣтовъ, наставленій и молитвъ.

Въ отношеніи къ своимъ сослуживцамъ и сотоварищамъ по селу Михаилъ Адріановичъ состоялъ всегда въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ и съ готовностію помогалъ и выручалъ ихъ въ трудныя минуты.

Такая примѣрная пастырская дѣятельность почившаго, его кроткій и миролюбивый характеръ скоро обратили на себя вниманіе какъ ближайшаго, такъ и епархіальнаго начальства. Въ 1858 году, несмотря на то, что онъ былъ моложе по службѣ своихъ сослуживцевъ священниковъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Тимофеемъ ему, какъ отличнѣйшему по поведенію, ревностнѣйшему въ обращеніи раскольниковъ и заслужившему любовь и уваженіе прихожанъ, представлено было право настоятельства и первенства въ мѣстномъ храмѣ. Съ такимъ же вниманіемъ относились къ почившему и послѣдующіе Архипастыри, поощряя его примѣрную пастырскую дѣятельность наградами (до наперстнаго креста и св. Анны 3 степени включительно), благодарностями и словесеніями.

И окружное духовенство не замедлило оцѣнить добрый нравъ и заслуги почившаго. Оно неоднократно избирало его членомъ и депутатомъ окружного и епархіальнаго училищныхъ сѣздовъ, а въ 1869 году избрало его и своимъ благочиннымъ, въ званіи котораго почившій состоялъ въ теченіи почти двѣнадцати лѣтъ.

На этой новой и отвѣтственной должности Михаилъ Адріановичъ заявилъ себя какъ, опытный администраторъ, имѣвшій самое благотворное вліяніе на окружное духовенство. Главною заботою его было—сплотить во едино окружное духовенство, водворить между нимъ полный миръ и согласіе. Для этой цѣли всякія недоразумѣнія и ссоры онъ ста-

рался прекращать своими собственными средствами и вліяніемъ, не доводя до свѣдѣнія епархіальнаго начальства. Духовенство вполне цѣнило это. Не разъ приносились ему благодарности отъ неосмотрительныхъ и горячихъ жалобщиковъ за его благоразумное отношеніе къ ихъ часто неосновательнымъ жалобамъ и доносамъ, могущимъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Что касается личныхъ своихъ обидъ и огорченій, нерѣдко выпадавшихъ на долю почившаго со стороны его подчиненныхъ, то онъ ихъ кротко сносилъ и прощалъ, никогда не прибѣгая къ помощи и защитѣ начальства. Помимо этихъ, такъ сказать, административныхъ трудовъ, постоянный предметъ заботъ и хлопотъ Михаила Адріановича составляли обездоленные вдовы и сироты. Зная по личному опыту нужду и—что значитъ быть сиротою, онъ всѣ силы свои прилагалъ къ облегченію ихъ горькой участи: хлопоталъ объ опредѣленіи на казенный счетъ дѣтей-сиротъ, выпрашивалъ всевозможныя пособія, выдѣляя нерѣдко и изъ своихъ скромныхъ средствъ посильную помощь.

Въ домашней своей жизни Михаилъ Адріановичъ зарекомендовалъ себя, какъ хорошій и въ высшей степени хлѣбосольный хозяинъ. Двери дома его были открыты для всѣхъ, не только родныхъ и знакомыхъ, но даже и незнакомыхъ, а ласковое и привѣтливое обхожденіе, занимательная, соединенная съ самымъ веселымъ и невиннымъ юморомъ, бесѣда производила чарующее впечатлѣніе на присутствующихъ, и всякаго невольно тянуло посѣтить лишній разъ домъ отца Михаила. Кромѣ этихъ официальныхъ посѣтителей дома почившаго, были неофициальные посѣтители и любимцы—это бѣдняки и нижніе военные чины (послѣдніе многіе годы квартировали въ приходѣ почившаго). Помня еще съ дѣтства всю строгость прежней военной дисциплины, почившій съ юныхъ лѣтъ проникся къ нимъ самымъ искреннимъ со-

страданіемъ и любовью. Для нихъ онъ ничего не жалѣлъ: кормилъ и поилъ ихъ, мылъ въ своей банѣ, надѣлялъ бѣльемъ, деньгами, словомъ—всѣмъ, въ чемъ только они нуждались.

Если въ отношеніи другихъ стороннихъ людей Михаилъ Адріановичъ проявлялъ столько доброты и вниманія, то въ отношеніи къ членамъ собственной семьи его любовь простиралась до самоотверженія. Для благополучія и счастія своей семьи онъ не щадилъ ни здоровья, ни силъ, ни средствъ. Ласкать и ухаживать за дѣтьми было постоянною его потребностію и развлеченіемъ. Безъ дѣтей онъ положительно не могъ жить. Кромѣ собственныхъ дѣтей, въ домъ покойнаго постоянно жили и воспитывались племянники и племянницы, а впослѣдствіи внуки и внучки. Однако, эта любовь къ дѣтямъ не ограничивалась у него одними нѣжными чувствами,—онъ старался въ тоже время воспитывать и учить. Будучи самъ высокорелигіознымъ, глубоко-нравственнымъ и образованнымъ человекомъ, онъ старался внѣдрить эти качества и въ своихъ дѣтяхъ, причемъ въ качествѣ воспитательныхъ средствъ служили исключительно только его собственный примѣръ, любвеобильное наставленіе и кроткое увѣщаніе. Къ строгимъ воспитательнымъ мѣрамъ почившій никогда не прибѣгалъ, такъ какъ по своей кроткой и нѣжной натурѣ питалъ къ нимъ полное отвращеніе.хлопоты и труды почившаго въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей увѣнчались полнымъ успѣхомъ: дѣти его прекрасно учились и окончили курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ прискорбію, троихъ изъ нихъ ему пришлось похоронить еще въ дѣтскомъ возрастѣ.

Такова была 37-лѣтняя жизнь и дѣятельность Михаила Адріановича въ селѣ Пречистомъ. Живя по преимуществу дѣятельностію своего любвеобильнаго и впечатлительнаго

сердца покойный раньше всего и почувствовалъ его ослабленіе и недомоганіе. Мало-по-малу стало появляться удушье, одышка; продолжительныя и утомительныя хожденія по приходу годъ отъ году дѣлались затруднительными, и онъ началъ подумывать о переходѣ на болѣе легкое городское мѣсто, надѣясь тамъ съ большимъ удобствомъ и меньшими затратами пользоваться совѣтами докторовъ и медицинскимъ пособіемъ. Въ 1891 году Михаилъ Адріановичъ Преосвященнѣйшимъ Гуріемъ, въ уваженіе къ его личной просьбѣ и столь продолжительной и добросовѣстной службѣ, былъ перемѣщенъ въ Казанскую города Гжатска церковь.

На новомъ мѣстѣ своего служенія почившій явился тѣмъ же добрымъ и кроткимъ пастыремъ, какъ и въ селѣ, и скоро пріобрѣлъ здѣсь любовь и уваженіе своихъ новыхъ духовныхъ дѣтей. Къ несчастію, чрезъ годъ послѣ его поступленія въ Гжатскъ, закрывшаяся въ его организмъ еще въ селѣ болѣзнь сердца разразилась прогрессивнымъ параличемъ, поразившимъ правую часть его тѣла. Скорая и энергичная медицинская помощь хотя и прервала роковое теченіе этой болѣзни, и чрезъ нѣсколько недѣль больной всталъ, принявшись вновь за работу, но это уже было не то, что ранѣе: силы покойнаго еще болѣе упали, виѣшній видъ измѣнился, осталась нѣкоторая неправильность въ дѣйствіяхъ пораженной части организма, образъ жизни доктора предписали самый строгій. Однако, Михаилъ Адріановичъ и при этихъ тяжелыхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ продолжалъ работать: не хотѣлось ему выходить въ отставку, не хотѣлось ему на старости лѣтъ быть обремененіемъ для другихъ, а напротивъ стремился самъ всѣмъ помогать. Глубокая вѣра въ Бога, искренняя молитва Ему и видимая помощь свыше помогли ему еще шесть лѣтъ проработать на нивѣ Христовой, пока, наконецъ, тяжкій семейный ударъ и

несчастіе—неожиданная смерть старшаго сына, оставившаго жену и пять человѣкъ дѣтей, не сразилъ нравственно и физически Михаила Адріановича окончательно. Хотя видимо онъ и спокойно переносилъ это горе, но внутренно и сердечно онъ сильно страдалъ, особенно, когда, по собственному его желанію, пріѣхала къ нему на житье осиротѣвшая семья. И года не вынесло его больное сердце этого горя. На третій день св. Пасхи, исправивъ всѣ свои дневныя требы и службы, около семи часовъ вечера Михаилъ Адріановичъ, бесѣдуя съ своими домашними, внезапно тихо скончался. Вѣсть о его смерти сейчасъ же облетѣла весь городъ. Никто не хотѣлъ вѣрить, что о. Михаила не стало. Многие видѣли его молящимся въ вечернѣ, а нѣкоторые принимали его въ этотъ день у себя на дому. Поистинѣ неисповѣдны пути Промысла Божія! Но самого покойнаго смерть не застала врасплохъ. Зная отъ докторовъ и по опыту своей матери и старшаго сына, что смерть его должна послѣдовать неожиданно, онъ давно готовился къ ней, стараясь возможно чаще исполнять христіанскій долгъ исповѣди предъ своимъ духовнымъ отцомъ, и почти ежедневно причащался Св. Таинъ.

Хоронили почившаго съ выдающейся торжественностію, въ сослуженіи 11 священниковъ и 2 протоіереевъ. Обширный Казанскій храмъ былъ переполненъ молящимися. Пришли отдать послѣдній долгъ почившему не только прихожане, но и многіе бывшіе его прихожане села Пречистаго. А торжественно-умилительный чинъ пасхальнаго погребенія и въ высшей степени стройное пѣніе Казанскаго хора невольно наполняли сердца молящихся тихою грустью и вызывали непритворныя слезы.

Вѣчная тебѣ память, честный и благоговѣйный іерей, без-
конечно добрый человѣкъ и незабвенный отецъ семейства!

Н. С.

Библіографія.

Исторія дѣтской души. Повѣсть не для дѣтей. Переводъ
Е. А. Изданіе К. П. Побѣдоносцева второе. Москва. 1898.
Стр. 246. Цѣна 1 руб.

Религія составляетъ неискоренимую потребность человѣче-
ской души; поэтому здоровое воспитаніе не можетъ упускать изъ
виду этой потребности и должно быть направлено къ возмож-
но полному и глубокому развитію ея. Человѣкъ постольку и
является человѣкомъ, поскольку онъ религіозенъ; ибо религія
освѣщаетъ высшимъ свѣтомъ и умственное развитіе и нрав-
ственную дѣятельность и эстетическій вкусъ. Вотъ основаніе,
на которомъ зиждется церковно-приходская школа съ ея обу-
ченіемъ въ духѣ истинной религіозности и церковности. Та-
кое обученіе, какъ видимъ, находится въ прямомъ соотвѣт-
ствіи съ глубочайшими и высшими потребностями человѣче-
ской природы. Не можетъ быть истиннаго просвѣщенія безъ
религіи. Какой бы высоты въ умственномъ отношеніи чело-
вѣкъ ни достигъ, но если онъ не получилъ религіознаго вос-
питанія, если религіозная потребность въ немъ насильственно
заглушена, то онъ или превращается въ человѣка—звѣря и
впадаетъ въ бездну порока, или, не будучи въ состояніи раз-
рѣшить высшіе вопросы жизни, испытываетъ глубокую скорбь
и томленіе и доходитъ до самоубійства. Таковы плоды безре-
лигіознаго воспитанія человѣка,—плоды, которые нынѣ уже
сказываются самымъ ужаснымъ образомъ въ тѣхъ странахъ.
(по преимущ. во Франціи), гдѣ религія изгнана изъ школы, и
безвѣріе признается необходимымъ признакомъ образованнаго
человѣка.

Но эти же печальные результаты безрелигіознаго воспита-
нія производятъ также и отрезвляющее вліяніе на умы серьез-
ныхъ и болѣе искреннихъ людей, вызывая часто рѣшитель-
ное противодѣйствіе съ ихъ стороны матеріалистическому не-
вѣрію. Такъ, напр., члены Нантскаго учебнаго округа во Фран-